

содержащему сведения о лицах, доставленных в медицинские учреждения с телесными повреждениями; компьютеризированному учету без вести пропавших лиц и неопознанных трупов и т. д.

Неоднократные попытки создания на общегосударственном уровне АРМ сотрудников правоохранительных органов еще не получили логического завершения. Объясняется это не только материальными трудностями, но и недостаточным знанием современных возможностей криминалистических информационных систем.

Назрела необходимость в создании системы единых информационных методик организации и использования на самых разных уровнях криминалистического обеспечения процесса расследования автоматизированными информационно-поисковыми системами, что, безусловно, обогатит криминалистику и повысит результативность борьбы с преступностью.

Эффективность интеграционных процессов во многом определяется квалификацией участвующих в них субъектов, способностью активно воспринимать передовые идеи, воплощать их в системе деятельности, реализовывать в производстве расследования преступлений.

Таким образом, объединение всех структурных элементов криминалистических информационных систем в единую глобальную высокодинамичную систему (инфраструктуру), т. е. создание системных интеграционных процессов в криминалистике, позволит поднять на более высокий уровень деятельность по раскрытию, расследованию и предупреждению всех видов преступлений.

УДК 343.14

О.В. Рожко

ПОКАЗАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Уголовно-процессуальное законодательство в ряду известных источников доказательств называет показания подозреваемого. В соответствии с ч. 1 ст. 91 УПК Республики Беларусь показания подозреваемого – это сведения, сообщенные им в устной или письменной форме на допросе, проведенном на предварительном следствии или дознании в порядке, предусмотренном ст. 215–221 УПК, а также при производстве иных следственных действий с его участием. Ч. 2 ст. 91 УПК уточняет, что подозреваемый вправе дать показания по поводу имеющегося против него подозрения, а равно по поводу иных известных ему обстоя-

тельств, имеющих значение по уголовному делу, и имеющихся в деле доказательств. Заметим, что данное положение корреспондирует с п. 9 ч. 2 ст. 41 УПК, согласно которому подозреваемый имеет право давать показания или отказаться от дачи показаний. Таким образом, уголовно-процессуальный закон признает в качестве источника доказательств показания подозреваемого, при этом не требуя их получения исключительно в ходе проведения такого следственного действия, как допрос.

В рассматриваемом контексте наибольший интерес представляет вопрос о получении показаний подозреваемого и их фиксации при производстве других следственных действий, особенно до возбуждения уголовного дела. Данная проблематика обусловлена неоднозначностью складывающейся следственной практики. В подтверждение приведем следующий пример. Оперативный сотрудник Солигорского РОВД 25 июня 2012 г. по подозрению в незаконном хранении без цели сбыта наркотического средства задержал гражданку Ж. Задержание произведено по месту ее жительства. Однако до момента фактического захвата Ж. сумела выбросить в открытое окно квартиры полимерную бутылку с изготовленным наркотическим средством, которое впоследствии было обнаружено и изъято в ходе осмотра места происшествия. К проведению данного следственного действия была привлечена подозреваемая Ж., которая пояснила, что обнаруженное вещество принадлежит ей. Указанные сведения были отражены в протоколе следственного действия, кроме того, при его проведении применялась видеозапись, о чем также имеется соответствующая отметка в протоколе. Вместе с тем по данному факту следователем было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Мотивом принятия такого решения явился сделанный следователем вывод о недопустимости полученных доказательств, поскольку, на его взгляд, имела место замена одного следственного действия (осмотра), другими (проверкой показаний на месте с одновременным допросом), что запрещено законом до возбуждения уголовного дела.

Представляется, что вывод следователя сделан на неверном толковании уголовно-процессуального закона и является ошибочным. Анализ вышеупомянутой ч. 1 ст. 91 УПК предполагает получение от подозреваемого показаний в ходе проведения не только допроса, но и любого иного следственного действия. К числу последних относится осмотр места происшествия, проведение которого в силу ч. 2 ст. 173 УПК легитимно до возбуждения уголовного дела. Данное утверждение справедливо и для других следственных действий, перечисленных в названной норме: осмотр (трупа, местности, предметов и документов), получение образцов для сравнительного исследования, освидетельст-

вание, эксгумация, личный обыск при задержании. Применительно к осмотру следует отметить, что согласно ч. 5 ст. 204 УПК следователь либо лицо, производящее дознание, вправе привлечь к его производству подозреваемого, фигура которого может появиться еще до возбуждения уголовного дела. В соответствии с ч. 6 ст. 240 УПК лица, участвующие в осмотре, вправе обращать внимание следователя, лица, производящего дознание, на все, что, по их мнению, может способствовать выяснению обстоятельств рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях, обстоятельств уголовного дела. Таким образом, привлекая подозреваемого к производству осмотра, следователь либо лицо, производящее дознание, вправе рассчитывать на то, что сообщенные сведения будут рассматриваться как полноценный источник доказательств. Отметим, что важным условием для этого является надлежащий и соответствующий закону порядок производства следственного действия и оформления его результатов в соответствии с требованиями ст. 193, 195, ч. 1 ст. 192 УПК.

Вместе с тем следует учитывать, что по своему содержанию проведение осмотра с участием подозреваемого не должно перерасти в его допрос в ходе осмотра либо в проверку показаний на месте. На наш взгляд, водоразделом в данном вопросе являются указанные в уголовно-процессуальном законе особенности производства названных следственных действий. Так, допрос – это следственное действие, заключающееся в получении следователем, лицом, производящим дознание, показаний в устной или письменной форме об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. В соответствии со ст. 217 УПК допрос начинается с предложения рассказать об известных допрашиваемому лицу обстоятельствах уголовного дела. Если допрашиваемый говорит об обстоятельствах, явно не относящихся к уголовному делу, ему должно быть указано на это. По окончании свободного рассказа допрашиваемому могут быть заданы вопросы, направленные на уточнение и дополнение показаний. Задавать наводящие вопросы запрещается. Таким образом, если в ходе осмотра с участием подозреваемого следователь либо лицо, производящее дознание, предлагает подозреваемому в форме свободного рассказа пояснить интересующие его обстоятельства, то такое следственное действие нельзя признать законным, а полученные доказательства допустимыми. В свою очередь, постановка следователем уточняющих вопросов подозреваемому в ходе проводимого осмотра по поводу обнаруженных и изымаемых следов преступления и других объектов, равно как и других интересующих обстоятельств, не может расцениваться как полноценный допрос. Так,

например, вопрос подозреваемому о принадлежности обнаруженного на месте происшествия наркотического средства вполне закономерен при производстве осмотра с его участием. В то же время предложение следователя подозреваемому пояснить (в форме свободного рассказа), при каких обстоятельствах данное наркотическое средство оказалось на месте происшествия, трансформирует осмотр в допрос подозреваемого на месте происшествия. И если в первом случае мы можем рассчитывать на получение допустимого источника доказательства в виде показаний подозреваемого, то второй ставит под сомнение законность такого «гибридного» следственного действия. Аналогичный подход должен применяться и при разграничении осмотра с участием подозреваемого от проверки показаний на месте. Последняя заключается в том, что ранее допрошенное лицо воспроизводит на месте обстановку и обстоятельства исследуемого события; отыскивает и указывает предметы, документы, следы, имеющие значение для уголовного дела; демонстрирует определенные действия; показывает, какую роль в исследуемом событии играли те или иные предметы; обращает внимание на изменения в обстановке места события; конкретизирует и уточняет свои прежние показания (ч. 2 ст. 225 УПК). Какое-либо постороннее вмешательство в эти действия и наводящие вопросы недопустимы. В соответствии с ч. 5 ст. 225 УПК проверка показаний на месте начинается с предложения лицу указать маршрут и место, где его показания будут проверяться. После свободного рассказа и демонстрации действий лицу, показания которого проверяются, могут быть заданы вопросы. Таким образом, проверка показаний на месте предполагает активную, ведущую роль лица, чьи показания проверяются. В этой связи перенос в ходе осмотра бремени активности от следователя на подозреваемого может свидетельствовать о фактической подмене одного следственного действия другим, что повлечет признание названного действия незаконным. Если же в ходе осмотра подозреваемый оказывает помощь в отыскании следов преступления, дает пояснения относительно тех или иных предметов, обращает внимание на изменение обстановки и т. д. по требованию следователя и это носит вспомогательный по отношению к главной задаче осмотра характер, то такое следственное действие вполне допустимо. Более того, названные содержательные элементы осмотра будут способствовать защите прав подозреваемого и улучшению его правового положения, поскольку могут свидетельствовать о его содействии в расследовании преступления, а также выступать формой реализации его права, закрепленного в п. 14 ч. 2 ст. 41 УПК:

«...при участии в следственном или другом процессуальном действии требовать внесения в протокол указанного действия записей об обстоятельствах, которые, по его мнению, должны быть отмечены».

Полагаем, что приведенный анализ позволит избежать ошибок в правоприменительной практике и реализации принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление.

УДК 343.14

Т.А. Савчук

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В современных реалиях возрастает число лиц, применяющих в повседневной жизни разнообразные электронные технические устройства, автоматизированные сети, системы для создания, обработки и передачи документированной информации. По результатам национального социологического исследования, по месту проживания пользуются интернетом 93,1 % белорусов; по месту работы среди его пользователей преобладают лица в возрасте 40–49 лет [1].

Сегодня возрастает количество документов, созданных с использованием компьютерных технологий, которые содержат одновременно машинописные, рукописные и электронные реквизиты. Такие документы стали вытеснять из оборота бумажные (документы, удостоверяющие личность, пропуска, санкционирующие доступ на охраняемые объекты, денежные билеты, документы, подтверждающие имущественные права). Так, по данным Национального банка Республики Беларусь, по состоянию на 1 октября 2015 г. в обращении на территории Беларуси находилось 12 512 банковских карт, посредством которых было осуществлено 685 626 241 операций, удельный вес безналичных операций в общем количестве с использованием платежных карточек составил 76 %, а в суммарном – 30,9 % [2]. При этом следует иметь в виду, что для совершения многих операций используются не сами карты, а их электронные реквизиты, вводимые в компьютерное терминальное устройство, которые одновременно являются средством защиты документа от подделки и относятся к категории конфиденциальных данных, составляющих предмет охраняемой законом тайны. Такого рода информация может выступать в качестве доказательств по уголовным делам о преступлениях в сфере высоких технологий, в том числе по делам, где электронная информация является орудием или средством совершения другого преступления (ст. 212, 216 Уголовного кодекса

Республики Беларусь), преступлениях, совершаемых с использованием компьютерной и другой электронной техники (ст. 179, 188, 203, 219, 254, 289, 343¹, 356 УК). Количество совершаемых преступлений этой категории является значительным: по данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, число преступлений в сфере высоких технологий в 2014 г. составило 2 290, в их числе 2 033 хищений путем использования компьютерной техники (ст. 212 УК) [3]. Таким образом, на фоне активно развивающихся информационных технологий и значительным ростом высокотехнологичной преступности вопрос о понятии «цифровые доказательства» и их пригодности для уголовно-процессуального доказывания представляется актуальным.

Следует отметить, что легального определения цифровых доказательств в отечественном законодательстве не содержится. В литературе наблюдается терминологическая разобщенность применительно к наименованию таких доказательств. Так, одни ученые, выступающие за идею введения понятия «электронное доказательство», определяют его как документ, где информация представлена в электронно-цифровой (электронной) форме, и считают его самостоятельным видом доказательств [4], подлежащим закреплению в специальных нормах процессуального законодательства [5, с. 92; 6, с. 116]. Другие авторы предлагают называть такое доказательство «виртуальным документом», определяя его как совокупность информационных объектов, создаваемых в результате взаимодействия пользователя с электронной информационной системой [7]. Неоднозначность в употреблении данных понятий отрицательно сказывается на практике расследования преступлений, при совершении которых использовались компьютерные технологии.

В зарубежной практике информация, созданная с помощью аппаратных и программных средств компьютерной техники, получила название «компьютерные доказательства». Впоследствии американские специалисты стали использовать наиболее общую трактовку – «цифровые доказательства», предложив таким термином называть любую информацию доказательственного значения, зафиксированную или переданную в цифровой форме [8, с. 183]. Думается, такой подход является наиболее правильным, поскольку термин «цифровые доказательства» отражает многогранность данного понятия и наиболее полно раскрывает его содержание. В рассматриваемом нами аспекте представляет интерес вопрос о понятии «электронный документ» и его пригодности в целях уголовно-процессуального доказывания.

Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» трактует информацию как сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и